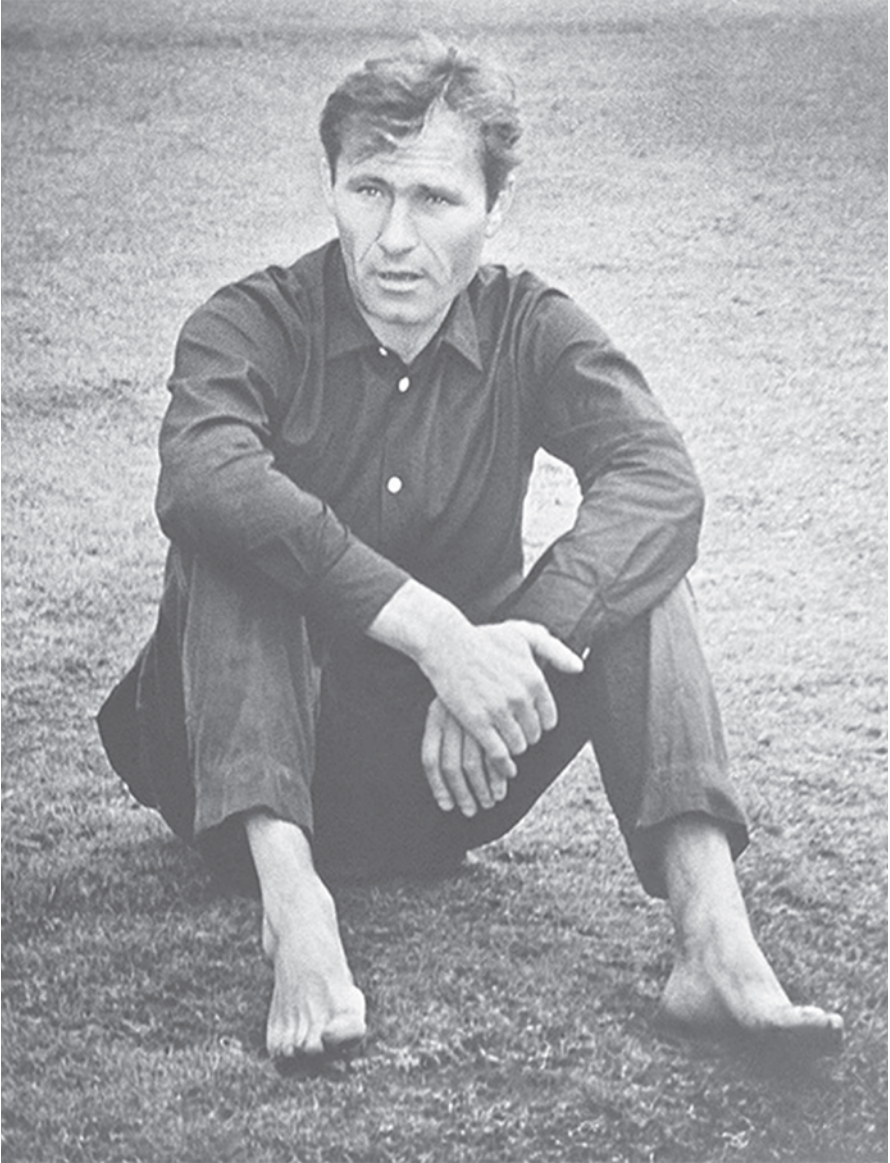

"Шукшина чувствовали как родного все слои общества, его читали, смотрели в кино, с радостью узнавая открывшуюся собственную русскую душу. Устареть Шукшин не может, ибо даже при окончательном исчезновении живого биения русской культуры — не исчезнет интерес к духовному материку, именуемому Россией, а Шукшин — пульсирующая словом и чувством живая душа России".

ТРУДНО НЕ СОГЛАСИТЬСЯ с этими идущими от сердца словами философа Александра Королькова. Говорят, в России надо жить долго. Но, как правило, не уточняют, что это такое — "жить долго". Пушкин был убит на дуэли в неполных 38 лет своей земной жизни, но разве можно назвать его мёртвым сегодня, если по-прежнему мы говорим его словами, его языком: "Я помню чудное мгновенье...", "У Лукоморья дуб зелёный...", "На холмах Грузии лежит ночная мгла..." — и сколько их ещё, этих пушкинских фраз, вечноживых мгновений его бытия, поныне с нами? А Лермонтов? А Грибоедов? А Есенин? А Маяковский? А...? Только в литературе нашей — десятки таких имён.

Василий ШУКШИН на пробах к фильму «Печки-лавочки» (1972)

ИГОРЬ МАЛЫШЕВ — не просто писатель. Он — сказочник по природе своей. И не просто сказочник. А сказочник, который сам живёт внутри своей сказки. Как Гофман. Andersen. Сент-Экзюпери. Или Гоголь. И редкая птица-тройка долетит до середины Днепра. Не говоря уже про то, чтобы вернуться обратно... Малышевский "Лис" — такая же сказка, что и его "Номак". Только не про революцию, а про жизнь. Сказки — они для всех. Не только для детей. Не только для взрослых. "Сказка ложь, да в ней намёк, добрым молодцам урок". Но жить как в сказке — это одно. Жить "в гостях у сказки" — совсем другое. А жить внутри сказки? Честно говоря, это испытание, которого врагу не пожела-

Игорь МАЛЫШЕВ «ЧТО-ТО ДОЛЖНО БЫТЬ ЕЩЁ...»

ГЕРДА
Герда переступает через порог дворца. Она больше не та птичка, что боится куста. В день её достаточно в пищу сухого листа. Три года в плену у пиратов, в день их бывало до ста.

Босыми ступает ногами на голый лёд. Кто б ни сказал ей слово, она знает — врёт. Чувствует холод в груди и в ногах колокольё. Кожа её — камень, лицо — отвес.

Кай капризничает над колотым льдом. "Вставай!", — говорит Герда. — "Вставай, пойдём". "Уходи!", — говорит она голосом львицы. Малыш растерян и не может не подчиниться.

Взгляды Герды падают на осколки льда. Руки её черны, под ногтями можно сажать сад. Герда опускается на колени и начинает царю со льдом. "У входа оленья упряжка", — говорит она Кая, — "Езжай домой".

Кай удаляется. "Вечность" складывает слово Герда. Поток холода. Входит Снежная Королева. Герда поднимает на неё пустые глаза. Королева вздрагивает и поаётса назад.

СНЫ
Сон о пустыне, где в каждой песчинке Бог. Меж горбов верблюдов видят сны о липких волках. Его виденье со сне оставшаяся дома жена. Её возжелает, уснув, ничтожный слуга.

Клерк, просыпаясь ночью, понимает, что был слугой. До этого сна он летал над равниной полярной совы. Наступила ночь, сова открывает глаза. Бросается с верхишки дерева, ночь светла.

Сова видела сон, что была рекой. В ней жили рыбы, одна больше другой. Река звалась Волгой. Самый большой в реке сом Видел сон, как с грохотом идёт по реке ледолом.

От треска льдов проснулась девочка в деревне из трёх домов. Проснувшись воробий в подстрехе, кошка и домовое. Домовому виделось, что он верблюд, и тащится на водоной. Проснувшись, долго лакал из рукомойника и мокрой тряп бородой.

Водё в рукомойнике силится, что она — песок В пустыне, где в каждой песчинке упрятан Бог...

Такие дела в деревеньке из трёх домов... Иногда мне кажется, что мир состоит из снов.

«...ДАТЬ ВАМ ВОЛЮ»

Исполнилось 90 лет со дня рождения Василия ШУКШИНА

Имя Василия Макаровича Шукшина тоже стоит в этом ряду, где у каждого — своё, особое, неповторимое место. Хотя, казалось бы, "ничто не предвещало"... Но такое было время и место: предвоенный, военный и послевоенный Советский Союз, — настолько он был наполнен социально-исторической "алхимией", что становились возможными и массовыми самые невероятные трансформации. Как известно, "дух веет, аще где хочет" — и в "сталинские" годы он веял над нашей страной во всю свою незримую мощь.

Каким-то чинном своим коснулся и совсем юного Василия Шукшина, с неполным средним образованием ("семилеткой") за плечами, да ещё и с репрессированным "по-настоящему" отцом. Когда и как поныне это таинство — Бог весть. Тем более, брошенное в землю зерно всегда прорастает и даёт свои плоды "сторицею" не сразу.

Я в ту ночь позабыл
Все хорошие вести,
Все призывы и звоны
Из Кремлёвских ворот.
Я в ту ночь полюбил
Все тиоремные песни
Все запретные мысли,
Весь гонимый народ, — могут служить поэтическим эпиграфом к творчеству Василия Шукшина...

Нет, конечно, они — очень разные, и разными были их пути-дороги, но объединяло их главное: внутренняя истинность, "самородность" жизни и творчества. И счастье, и проклятие одновременно, если со стороны. А как оно изнутри — это знает только сам человек... Конечно, люди "шукшинского" типа не были какой-то уникальной редкостью в советском обществе, и в различных сферах его жизни, включая культуру. Но до таких, как Василий Макарович, творческих высот добирался уже очень немногие из них. Тут, помимо всего прочего, нужна была особая "кремнёвость" характера, готовность идти и сражаться до конца, не давая себе никаких послаблений. У Шукшина эта "кремнёвость", вне всякого сомнения, была, и, столкнувшись с любым неприятием, он, с течением времени, всё реже впадал в уныние, а всё чаще доводил свои труды до такого совершенства, когда уже всем и всё становилось очевидным. Даже Леонид Быков (см. "Завтра", 2019, №14) — настоящий волшебник киноискусства, где он был "зеркален" Шукшину по своей искренности и подлинности — здесь Василию Макаровичу уступал, признавал его первенство безоговорочно. И механик Макарыч, которого в фильме "В бой идут одни "старики" сыграл актёр Алексей Смирнов, возможно, не случайно получил своё имя — Шукшин часто называл себя именно так, Макарычем... Тогда и финальная сцена "стариков" смотрится немного по-иному: майор Титаренко и Макарыч — словно сам Быков и Шукшин.

Герои Шукшина: и в кинематографе, и в литературе, — уникальная многогранность! Тут ему "зеркален" Владимир Высоцкий — только прозывались "чужаками", а на деле занимались тем, что искали себя — настоящих. Да, часто ошибались, обманывались, даже выходили за рамки закона, но не хватало одной-единственной интонации, одного-единственного ритма дыхания. Получается всё лучше и лучше. Талант в искусстве чаще всего проявляет себя именно так: он как будто строит пирамиду из своих произведений для того, чтобы "похоронить" там всё, что не даёт ему жить и дышать. Множество "Черновиков", обилие готовых "блоков" разного качества, на "вершине" — один или несколько бесспорных шедевров. Так это видится со стороны. А для самого автора всё, наверное, совсем по-другому. Лабиринт с Минотавром, до которого надо дойти и убить — иначе он убьёт тебя. А потом всё после перерыва, именуемого, как правило, "творческим кризисом", начинается (или не начинается) заново. И

есть мнение, что у тех, кого мы считаем гениями, этот режим "взлёт-посадка" не работает — они постоянно находятся в режиме свободного падения. Как спутник нашей планеты на орбите — просто высота и скорость их полёта таковы, что земля всё время уходит из-под ног. И "сверху видно всё". Астронавты приземляются...

"Миф, потерявший социальную значимость, становится сказкой", — так считал известный исследователь античности И.М.Тронский. Работает ли это его утверждение "в реверсном режиме", становится ли мифом сказка, обретающая социальную значимость? Позиция Игоря Малышева ищет ответ на этот вопрос.

Владимир ВИННИКОВ
Астронавты приземляются на неизвестной планете. А там на лугах бегают и смеются дети. У астронавтов предательская мысль в голове: "Что, если есть рай? Что, если рай есть?" А дети лезут пылью вместо пчёл и бабочек И бегают босиком, без носков и тапочек. Напились нектара, засыпают промежду трав. Кудлатые их головы, ровен и мясок нрав. Астронавты глядят, только лишь наблюдают. Разводят руками и ничего не понимают. Она приснула в лодочке и сказала "кра!" Она качала ножкой, Солнце иерало на крыльях, как ветер с фатой. Кровь заливала глаза, Он моргал, чтобы видеть её. Она что-то напевала, Осколок блеснул, свет плывал. Он понял, что всегда хотел Увидеть мир, как он есть, без оправы. Пахло жарой, зеробоем. Колёса крупились сверху, холостую, с воем. Брюхом к солнцу умирал ЗИЛ. Водитель смотрел на девочку и понимал, что даже не жил.

Игорь МАЛЫШЕВ «ЧТО-ТО ДОЛЖНО БЫТЬ ЕЩЁ...»

ЛЕТУЧАЯ РЫБА
Летучая рыба Движется к поверхности воды. Нервы натянуты, Мышцы напряжены.

Летучая рыба Пробивает лбом волны. Жабры горят, Смертлен воздух.

Летучая рыба Летит, как птица, Как спутник летит, Сломала границы.

Летучая рыба Видит простор. Внизу хищники, Здесь враг всё.

Здесь солнце сожжёт тебя, Летучая рыба, Выбелит воздух глаза, Ветер высушит крылья.

Летучая рыба, Как скозё сон, Видит парусник, ёлку, Улыбку ребёнка, блиск волн...

СИЯЮЩИЕ ПОЛЯ МОЕГО ДЕТСТВА
Поля моего детства. Когда-нибудь, лет через двести, Я снова вернусь туда, В поля моего детства.

Поля моего детства. Отец там жив, мать молода и прелестна. Там август и всегда звездозпад, В полях моего детства.

Поля моего детства. Кони идут к водоной, старик поёт песню, Утро и всюду роса. И сияют поля моего детства.

Поля моего детства. Там всегда я могу сопересть с — Пусть внутри меня холод и ад — В полях моего детства.

СИЯЮЩИЕ ПОЛЯ МОЕГО ДЕТСТВА
Поля моего детства. Когда-нибудь, лет через двести, Я снова вернусь туда, В поля моего детства.

Поля моего детства. Отец там жив, мать молода и прелестна. Там август и всегда звездозпад, В полях моего детства.

Поля моего детства. Кони идут к водоной, старик поёт песню, Утро и всюду роса. И сияют поля моего детства.

Поля моего детства. Там всегда я могу сопересть с — Пусть внутри меня холод и ад — В полях моего детства.

Унылую песню заводит, О робине что-то поёт.

Ах, как они пели! Как они, собаки, пели! Стражник прислонил копьё к воротам и, замерев, слушал песню. Глаза его наполнились слезами, он как-то даже ошалел. Может быть, даже перестал понимать, где он и зачем.

Бродяга Байкал переехал —
Навстречу родимая мать.
Ой, здравствуй,
ой, здравствуй, родная,
Здоров ли отец мой и брат?

Стражник подошёл к поющим, сел, склонил голову на руки и стал покачиваться взад-вперёд, — М-мх... — сказал он. И в пустые ворота пошли черти. А песня лилась, рвала душу, губила суету и мелочь жизни — звала на простор, на вольную волю. А черти шли и шли в пустые ворота. Стражнику поднесли огромную чару... Он, не раздумывая, выпил, трахнул чару о землю, уронил голову на руки и опять сказал; — М-мх...

Отцу твою давно уж в могиле,
Сырою землёю зарыт.
А брат твой давно уж в Сибири —
Давно кандалами гремит.

Стражник дал кулаком по колену, поднял голову — лицо в слезах.

А брат твой давно уж в Сибири
Давно кандалами гремит..."

Узнаёте? "Сталин—репрессии—ГУЛАГ"? Дивные песни о вольной воле? И добрые, умные, прекрасные западные черти — больше не враги нам, а лучшие друзья?

Всё так и случилось... Немного было тех, кто понимал, что происходит. Ещё меньше — тех, кто мог, умел об этом сказать. Но и тех — не слушали. Зато выкашивали под корень... По естественным как бы причинам, само собой... Тот, кто возьмётся за такой русский, советский мартиролог 70-х—первой половины 80-х годов, будет, наверное, удивлён и поражен его объёму и его обилию. В политике, в науке, в искусстве — во всех сферах общественной жизни Советского Союза того времени. И наверняка найдёт нечто общее между всеми этими людьми, фактически павшими смертью храбрых — в мирное, вроде бы, время. Василий Макарович Шукшин, вне всякого сомнения, окажется в их числе. С юности страдал от язвенной болезни — умер в 45 от инфаркта... 2 октября 1974 года, на съёмках фильма по роману Шолохова "Они сражались за Родину". Бывает, правда же? И не такое бывает... Он тоже — сражался за Родину.

А шукшинский роман про Стеньку Разина (он же — донской Атаман в сказке "До третьих петухов") "Я пришёл дать вам волю" — как раз об этом, о различии русской "вольной воли" с европейской, западным "триумфом воли" (одноимённый фильм-апология Гитлера авторства блестящей Лени Рифеншталь)... Разные это "воли", и не стоит одну выдавать за другую, тем более — принимать такую подмену.

Георгий СУДОВЦЕВ
Газетный вариант. Полностью — на сайте zavtra.ru

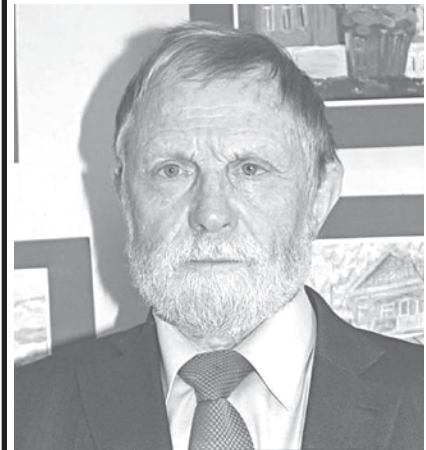

Из иллюстраций художника Виктора ЧУГУЕВСКОГО к книгам Игоря МАЛЫШЕВА

Полёвая дорога. Жара.
Он проснулся, когда ЗИЛ перевернулся уже раза два. Его било о кабину, Как не бил в армии ни один "дед". Он пришёл в себя больше похожим на винограет. На осколке стекла у его лица Сидела девочка ростом чуть более комара. Он посмотрел на неё, Она приснула в лодочке и сказала "кра!" Она качала ножкой, Солнце иерало на крыльях, как ветер с фатой. Кровь заливала глаза, Он моргал, чтобы видеть её. Она что-то напевала, Осколок блеснул, свет плывал. Он понял, что всегда хотел Увидеть мир, как он есть, без оправы. Пахло жарой, зеробоем. Колёса крупились сверху, холостую, с воем. Брюхом к солнцу умирал ЗИЛ. Водитель смотрел на девочку и понимал, что даже не жил.

В монастыре Варлаама в Метеорах есть фреска "Святая Сысой над скелетом Александра Македонского".

Ещё не святой Сысой и Александр Македонский. Один живой, от другого одни кости. Он не собирался искать могилу, случайно вышло. Открыл, всюду знаки высшего из высших. На череп царя падает божья коровка. Ещё не святому Сысоу немного неповоко. Всё-таки царь, а тут вдруг глупое насекомое. А потом думает "какого чёрта!" и смотрит в небо лиловое. Сысой закуливает, роняет пепел в гробницу. Потом ложится рядом с царём, говорит: "Подвинься. Ты давно труп. Я, ещё немного, и тоже. В ту же землю, на то же ложе. Не мне говорить тебе о бренности славы. Аристотелю ни тоёда, ни сейчас нет и не было равных. Всё переходящее, желанье быть вечным вечно. И мы боимся тьмы, как корабельные крысы течи". Сысой выдыхает дым, и дым, как от жертвенника течёт. Мешается с топальным пухом и бабочками, познаёт полёт. "Я часто слышу "тепло", но не слышал пока "жарячо". Что-то должно быть ещё, Александр. Что-то должно быть ещё..."

ХРАНИТЕЛЬ РОДНИКА

К 75-летию Михаила ЧВАНОВА

ОДНАЖДЫ в духовной семинарии мне поставили в расписание факультативное занятие. Можно было отвлечься от строгих правил языка, от суровой грамматики и поделиться со студентами чем-то сокровенным — тем, что когда-то для себя открыл и о чём теперь непрестанно размышляешь.

Я принёс с собой книгу очерков Михаила Чванова и предложил семинаристам вместе почитать её. Теми голосами, которыми я привык слушать псалмы и акафисты, зазвучали слова писателя. Они были настолько мелодичны, размерены, весомы, что, казалось, автор пишет не просто на русском, а на каком-то особом языке, который был понятен всем славянам в ту пору, когда они ещё оставались едины, когда ещё не разошлись на восток, юг и запад: "В нас всё меньше внутреннего устройства, его нам упорно пытаются заменить чужим, с которым мы переставим быть русскими людьми. Искать Икону нужно, прежде всего, в себе. И чем больше людей найдёт Её в себе, тем скорее Она вернётся..." — читали мы о Табынской иконе Божьей Матери.

"Понятие "русский" — не понятие крови, тем более что в нашей крови чего только не намешано, а отношения к Отечеству. Великая русская семья — пример тому", — читали мы об Асаковских.

"У всякого человека есть совесть, только у одних она спит или убита, у других — она объёмнее человека, в котором зародилась или которого для особой цели выбрал Бог, или наказал его, потому что нелегко с ней жить, потому что она становится совестью и тех, в которых она чуть теплится", — читали мы о Валентине Распутине.

Эти слова и это чтение породили однородность всего: не было ни прошлого, ни настоящего, ни грядущего. Время не тянулось и не летело. Ты не томился в ожидании и никуда не спешил. Времени просто не существовало. Ничего не старело, не ветшало, всё было нетленно.

Подобное я раньше переживал только в храме на молитве и в уфимском доме-музее С.Т. Асакова, охранителем которого стал Михаил Чванов. Я люблю ходить с ним по комнатам музея и каждый раз примечать что-то новое, — то, что, может быть, проглядел, упустил, не осмыслил прежде. Здесь соединились все спасительные смыслы нашей жизни: семья, труд, слово, природа, память, вера. Здесь будто перечитываешь "Семейную хронику", "Детские годы Багрова-внука", сказку ключницы Пелагеи.

Порой кажется, что Михаил Андреевич заведёт тебя в потаённую комнату, доступную немногим, отдернёт плотную завесу — и всё кругом озарится неземным сиянием. То ли негасимая свеча, то ли перо светосной птицы, то ли алый закат самого долгого летнего дня. Глаза немного приоткрыты к сиянию, присмотрись и разглядишь Аленский цветочек. Тот самый, что обращает страх в любовь, отчаяние — в надежду, ночь — в утро. Корни его не уходят в землю: они переплетаются с корнями слов, с древними преданиями, с голосами сказителей. Бутон его — раскрывшаяся тайна, свидетельство о мире, где одолены горе и смерть.

Хранитель музея, как родниковую воду, пригоршней зачерпнёт это сияние, перельёт в твою ладонь и скажет: "Неси в свой дом, носи в свой край — умножит свет". И ты понёшь, как Пасхальный огонь, укрывая от буиных ветров и недобрых глаз. Чванов раздвигает этот родниковый свет по всей России, подарит его белорусам, сербам, болгарам, сирийцам. Собрёт огромную семью Аленского цветочка, для которой и целой Евразии будет мало.

"Евразийство — это Асаковы", — скажет Чванов. Не география, не история, не этнология, а "любовь русского народа к всечеловечеству". Это мечта о всеобщем благоденствии, единая историческая память обо всем благом, созидательное, об ответственности друг за друга. Мечта воплотилась в Асаковском празднике, что несколько десятилетий проводит Чванов в Уфе, куда съезжаются "все языцы". Писатели и актёры, учителя и библиотекари, производственники и военные — все приходит с державным делом в Асаковские места, приходят, как под Покров Богородицы.

Её Табынскую икону Чванов много лет ищет на разных путях и перепутьях. Он изучил каждый шаг войска атамана Дутова, унёсшего с собой святыню, не упустил ни одного свидетельства, ни одного воспоминания, ни одного пророчества об иконе. Но без воли Божьей, без чуда все усилия человеческого бесплодны. Может быть, однажды в дивном сене, Чванов, как лампаду, поднесёт к иконе Аленский цветочек — тёмный лик озарится, и небесные очи Богородицы подкажут тот храм или тот дом, где хранится "всего мира Надежда и Утешение".

Семинаристы читали книгу, а я представлял себе крестный ход, в котором Михаил Чванов несёт Табынскую икону Божьей Матери, а помогают ему те, чьи озарённые лица так напоминают Вячеслава Клыкова и Валентина Распутину, Павла Флоренского и Владимира Далея, отца и сыновей Асаковых. Они пронесут икону над коленопреклонённой, молящейся евразийской семьёй.

Михаил КИЛЬДЯШОВ